

Виктор ЛЫСЕНКОВ

Лысенков Виктор Иванович родился в 1954 году в деревне Губино Воскресенского района Московской области. Имеет высшее техническое и гуманитарное образование. Более 35 лет работал в органах государственного и муниципального управления, государственный советник Московской области 1 класса. Лауреат премии Московской областной Думы в области соци-

альной защиты населения. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Руководитель Воскресенского литобъединения «Радуга» им. И.И. Лажечникова, член Высшего творческого совета Московской областной организации Союза писателей России. Председатель редакционных советов литературного альманаха «Воскресенск – моя родина светлая...», русско-болгарской антологии «Созвучие», редактор ряда других книжных изданий и интернет-сайта voslit.ru. Лауреат литературных и журналистских конкурсов и премий. Отмечен государственными, муниципальными и общественными наградами. Автор краеведческих книг: «Адрес мой: ст. Воскресенск...», «Борис Пильняк в Кривякино», «Воскресенские пенаты», «Не просто возраст...», «Излучины бытия», «Внукам своим расскажем...», «Было время, были люди...». Очерки, рассказы, переводы, краеведческие заметки публикуются во многих альманахах, сборниках, журналах и периодических изданиях, в т.ч. на болгарском и немецком языках. Живёт в городе Воскресенске.

АХМЕТ СИМДЯЕВ – журналист, подпольщик, соратник Мусы Джалиля

АХМЕТ СИМДЯЕВ – журналист, подпольщик, соратник Мусы Джалиля

Страницы летописи Воскресенского края

Виктор ЛЫСЕНКОВ

АХМЕТ СУМДЯЕВ —
журналист, подпольщик,
соратник Мусы Джалиля

Серебро Слов
2020

УДК 908
ББК 63.3(2Рос-4МО)
Л 88

Виктор Лысенков
Л 88 Ахмет Симаев — журналист, подпольщик, соратник
Мусы Джалиля. / В.И. Лысенков. — М.: Серебро
Слов, 2020. — 80 с.: ил. — («Страницы летописи Вос-
кресенского края»).

Предлагаемая книга известного воскресенского краеведа Виктора Лысенкова продолжает серию «Страницы летописи Воскресенского края» и повествует о героической и трагической судьбе журналиста Ахмета Симаева, ученика и друга знаменитого татарского поэта, Героя Советского Союза Мусы Джалиля, организовавшего со своими соратниками в немецком плену антифашистское сопротивление, принявшего смерть на гильотине в берлинской тюрьме. Основанная на документах, публикациях, воспоминаниях, письмах, эта многолетняя скрупулёзная исследовательская работа автора позволила рельефно показать личность героя. Любопытному читателю будут интересны исторические справки, а также рассказ о легендарном воскресенском журналисте Сергее Кристи, который внёс немалый вклад в восстановление доброго имени Ахмета Симаева. Книга адресована самому широкому кругу читателей, особенно тем, кто увлечён историей родной земли.

*Фотографии из личного архива автора,
архива номеров Воскресенской газеты
«Коммунист» за 1968–1984 годы
и открытых источников интернета*

ISBN 978-5-907316-46-1

© Лысенков В.И., 2020
© Лысенков В.И.,
обложка, 2020
© Серебро Слов, 2020

Человек и бессмертие

Об антифашистах, работавших в подполье в годы Великой Отечественной войны и геройски сложивших головы в тюремных застенках, написано немало. Навечно вошёл в историю мировой литературы знаменитый татарский поэт Муса Джалиль, который известен и как один из организаторов мощного антинацистского движения. А вот тот факт, что журналист Ахмет Симаев — ближайший соратник Мусы Джалиля, сыгравший значительную роль в развитии подпольной деятельности, связан крепкими узами с нашим родным городом Воскресенском, знают немногие...

Автор книги Виктор Иванович Лысенков — член Союза писателей и Союза журналистов России — не впервые рассказывает своим землякам (и не только землякам) об удивительных людях — воскресенцах, оставивших свой яркий след в истории нашего Подмосковья и, несомненно, духовно обогативших нашу общую сущность... Таков человек и Ахмет Симаев — поэт, журналист, сотрудник Воскресенской районной газеты «Коммунист», воин, подпольщик, антифашист.

Предлагаемая книга, объединяя в себе многие факты, письма и публикации, документы и материалы, добытые автором в различных источниках, помогает нам по-новому узнать биографию земляка, прожившего короткую, но достойную жизнь и по праву, можно утверждать, — героическую.

Будучи юношей, Ахмет Симаев познакомился с Мусой Джалилем в литературном кружке, подружился с ним. И хотя Ахмет был гораздо моложе, это не помешало писателям оставаться друзьями, их объединяло чувство любви к поэтическому слову, к своей Родине. Ахмет сочинял стихи и занимался переводами с татарского на русский. Большинство его работ не дошли до нас, утрачены. Но вся жизнь этого человека, его верность в дружбе и любви, патриотизм, целеустремлённость показывают, насколько глубок и красив его внутренний мир. И Виктору Ивановичу Лысенкову, опираясь на свидетельства знавших героя людей и благодаря журналистскому и писательскому опыту, удалось в книге раскрыть самые высокие человеческие качества Ахмета Симаева.

Начало Великой Отечественной войны застало нашего земляка в рядах Красной Армии, где он в Монголии проходил действительную службу, осваивая специальность радиотелеграфиста. Затем — фронт, участие в воздушно-десантной операции в тылу врага, пленение, лагеря для военнопленных, где он стал одним из инициаторов создания антифашистского подполья.

...Судьба снова свела друзей — Мусу Джалиля и Ахмета Симаева, но уже при трагических обстоятельствах. Оба они вошли в группу подпольщиков, вели опасную антифашистскую работу в созданном гитлеровцами волжско-татарском легионе. Их было одиннадцать

руководителей подполья — молодых горящих сердец, переставших биться в полдень 25 августа 1944 года, когда героев с интервалом в три минуты бросали на тюремную гильотину...

И только надписи в каземате на стене и оконном ставне остались как последние письма от Ахмета на родину, адресованные в подмосковный Воскресенск жене Валентине, дочке Людмиле, которую не суждено было ему увидеть, и всем людям, ради счастья которых он сражался с фашизмом и погиб смертью героя.

...На протяжении всего повествования, отличающегося выверенностью и отточенностью каждого слова, автор ведёт рассказ строго, последовательно, стремительно, опираясь на документы, не распространяясь на отвлекающие внимание отступления и рассуждения. Благодаря этому книга получилась захватывающе интересной, читается на одном дыхании от начала до конца. Она написана таким живым и выразительным языком, что, несмотря на её документальную основу и достаточно большое количество дат и указаний на места происходящих событий (что естественно для исследовательской работы), воспринимается как художественное произведение, а её главный герой понятен и близок читателям, так как его многогранный образ раскрывается автором и через повествование о быте, о профессиональной деятельности, и через личную переписку.

Дошли до нас моабитские блокноты Мусы Джалиля с проникновенными стихами. Читая пронзительные строки, пытаешься понять, как молодые люди, движимые чувством долга перед Родиной и своими близкими, шли через все выпавшие на их долю испытания?! Каким мужеством обладали они, какой душевный огонь бесстрашно несли до плахи, как нашли силы выйти на казнь не сломленными, а с гордо поднятой головой?!

...Верим, что жизнь Ахмета Симаева — подвиг. А он, подвиг, не всегда громок и не всегда сразу заметен, потому что совершён не ради подвига, а ради Жизни.

В свои 28 лет Ахмет Симаев, одухотворённый любовью к своему народу и ненавистью к фашистам, шагнул в бессмертие...

Как-то в юности я задумалась о том, что есть такое — память человеческая? И мне представился бесконечно высокий дом со множеством окошек. Одни из них ярко светились, в других едва мерцал огонёк, третьи, которых большинство, оставались тёмными. С выходом настоящей книги писатель, неустанный краевед и равнодушный гражданин Виктор Иванович Лысенков зажёл свет ещё в одном окошке — в честь земляка-журналиста, поэта и антифашиста Ахмета Симаева.

Ольга НОВИКОВА,

действительный член Академии российской словесности,
член Союза писателей России

*Ахмет, я у тебя учусь как воин
И мужеству, и стойкости бойца.*

Муса Джалиль

«В этом доме с 1936 по 1940 г. работал Ахмет Симаяев — ответственный секретарь редакции газеты «Коммунист», член антифашистской группы Мусы Джалиля, погибший в 1944 г. в тылу врага», — гласит надпись на тёмно-красной мемориальной доске, установленной на фасаде двухэтажного здания № 8 по улице Советской в городе Воскресенске. Сейчас здесь располагаются управление культуры и концертно-выставочный зал, а до начала 1980-х годов находились органы местной власти: исполком горсовета, горком партии, а также редакция городской газеты.

Встреча с Мусой Джалилем

Родился Ахмет Садретдинович (Содриддинович) Симаяев (на татарском языке — Әхмәт Симай) 28 декабря 1915 года в татарской семье в деревне Усть-Рахмановка Краснослободского уезда Пензенской губернии (ныне Краснослободский район Республики Мордовия). У его родителей — Симаяевых Садретдина и Шарифы (урождённая Старкова) было семеро детей.

Ахмет учился в школах соседних сёл Старое Синдрово и Сивинь, а после окончания семи классов, в 1931 году, переехал в Москву к старшему брату

Фаттаху, который тогда работал литейщиком на заводе. В столице юноша поступил в строительный техникум. Получив специальность лаборанта по бетону, он с 1933 года трудился на строительстве первой очереди Московского метрополитена, а впоследствии строил полиграфический комбинат «Правда». В то время это были самые грандиозные московские стройки, отличавшиеся не только своими масштабами, но и напряжённостью, тяжестью физического труда, а также многонациональностью строителей.

Для татар-метростроителей регулярно выпускались специальные номера многотиражной газеты «Ударник Метростроя» на татарском языке, и Ахмет Симаев был среди её постоянных корреспондентов. Писал о товарищах, их труде и буднях. Были у него и хлёсткие заметки, бичующие производственные недостатки. Например, работавший с ним Г. Ахтямов вспоминал, как большой отклик на стройке вызвала критическая статья Ахмета о неполадках в работе бетонщиков. Автор горячо выступал по этому поводу на собраниях, бегал по различным инстанциям и не успокоился до тех пор, пока недостатки, о которых писал, не были устранены.

В той же газете публиковал и свои первые стихи с такими говорящими за себя названиями «Метрострой», «Бригадир Кугошев», «Письмо из колхоза». В стихах он показывал нелёгкий труд горняков. Перед нами предстают длинные подземные туннели, по которым вот-вот побегут поезда. Мы видим, как вспыхивают в крошечной тьме яркие вспышки электросварки, как тускло светятся фонари. С трудом поддаётся спрессованный тысячелетиями грунт, сверху каплет за воротник ржавая вода. Но проходчики, не успевая

вытирать обильный пот, ни на минуту не прекращают борьбу с коварной и непокорной стихией.

Позднее, уже в фашистских застенках, Ахмет Симаев не раз повторял своим товарищам, что его специальностью была проверка бетона на прочность. «А теперь, — говорил он, — наступила пора испытания на прочность человеческих характеров, человеческой воли».

Живя в Москве, он участвовал в литературно-творческом кружке при Татарском общественном культурном центре («Доме Асадуллаева») в Замоскворечье. Здесь, в Малом Татарском переулке, познакомился с руководителем кружка — известным татарским поэтом Мусой Джалилем, который тогда в Москве редактировал центральные детско-юношеские журналы на татарском языке «Кечкенэ иптэшлэр» («Юные товарищи») и «Октябрь баласы» («Дитя Октября» — «Октябрёнок»), а потом заведовал отделом литературы и искусства татарской газеты «Коммунист». Джалиль был старше Ахмета на девять лет, он заметил талант юноши, поддержал его первые шаги в литературе, щедро делился знаниями и творческим опытом

Писателю Абдурахману Абсалямову, который в те годы также посещал кружок Джалиля, Симаев запомнился простым рабочим парнем, ничем вроде не отличавшимся от своих сверстников. «Ходил в чёрном демисезонном пальто, большой чёрной кепке. Среднего роста. Лицо открытое, доброе, а вот глаза иногда изумляли: цвет в памяти точно не сохранился, но взгляд острый, реакция мгновенная, будто ментально принял единственно правильное решение. Казалось, ему нельзя врать или говорить неискренне:

он всё равно быстро узнает неправду. Ахмет одновременно писал на русском и татарском языках. Был одним из самых активных кружковцев. Нередко приводил на занятия кружка даже брата Фаттаха — человека, довольно далёкого от литературы».

Творческие встречи Джалиля и Симаева постепенно переросли в дружбу, которая продолжалась и после того, как Ахмет, решив целиком посвятить себя газетной работе, перебрался в Воскресенск. Он огорчился, когда в 1939 году Муса переехал в Казань.

Как вспоминал воскресенский товарищ Симаева Абдрахман Миниханов, Ахмет всегда с большой любовью говорил о Мусе Джалиле. Он был учителем, указавшим юноше, которому симпатизировал, путь в жизни.

Воскресенский газетчик

В 1936 году Ахмет Симаев переехал в подмосковный Воскресенский район — в рабочий посёлок Воскресенск, в восьмидесяти километрах юго-восточнее столицы.

Об уровне знания Ахметом русского языка говорит тот факт, что он был принят на работу помощником корректора в районную газету «За темпы», которая после обретения Воскресенском 11 июля 1938 года статуса города получила новое название — «Коммунист» (с 1991 года — «Наше слово»).

Вскоре он уже работал литсотрудником, а затем и ответственным секретарём — одной из ключевых фигур редакционного коллектива. По меткому выражению Сергея Михайловича Кристи (также потом

работавшего ответственным секретарём редакции газеты), «эта работа схожа с работой режиссёра в театре. Её почти не видно, всё зависит от дарования действующих лиц. Но в воплощении творческих замыслов, в оформлении, в интересных находках проявляется воля секретаря, его почерк, оригинальность».

Казанский писатель Рафаэль Ахметович Мустафин проделал огромную исследовательскую работу, посвящённую жизни и подвигу Мусы Джалиля и его соратников. В своей книге-поиске «По следам оборванной песни» (М.: Советский писатель, 1981) он даёт портрет Ахмета Симаева, каким тот остался в памяти современников (кстати, именно под впечатлением от прочтения этой книги появилась в сентябре 1982 года моя первая и довольно эмоциональная публикация о Симаеве в Воскресенской газете «Коммунист»):

«Невысокий, худой, подвижный, с монгольским разрезом хитровато прищуренных глаз, он обладал способностью мгновенно загораться и так же быстро остывать. Любил шутки, анекдоты, всякие весёлые истории и мастерски рассказывал их. Порой мог прикинуться таким простачком, недотёпой. Но того, кто «клевал» на эту удочку, немедленно жестоко разыгрывал и выставлял на всеобщее посмеище. Иные упрекали его в несерьёзности, легкомысленности. И только ближайшие друзья знали, что за маской беспечного рубахи-парня и балагура скрываются и высокая образованность, и недюжинный ум, и прочный внутренний стерженёк, который нельзя было ни согнуть, ни сломать».

В газете у каждого сотрудника были свои направления деятельности. Симаев отвечал за отдел культуры и быта. И всестороннему освещению этих сторон жизни района уделял много внимания.

А культура и быт здесь создавались фактически по-новому. Да и прошло совсем немного времени, как появился и сам Воскресенский район. Его образовали в 1929 году из тяготевших к железнодорожной станции Воскресенск Казанского направления сёл и деревень Колыберевской, Мячковской и Непецинской волостей Коломенского уезда, Спасской, Чаплыженской и Усмерской волостей Бронницкого уезда.

Тогда в самом Воскресенске проживало около двадцати тысяч человек (сегодня город населяет 93 тысячи). Численность его к тому времени за десятилетие выросла буквально на порядок (более чем в пятнадцать раз). В связи со строительством большого химического комбината, шиферного и второго цементного заводов население стало быстро прирастать за счёт приезжих из разных краёв страны, отличаясь многонациональностью и многоконфессиональностью.

Немалую часть новых жителей составили выходцы с Поволжья: татары, башкиры, чуваша, мордва, марийцы... Здесь они обретали вторую малую родину, сохраняя свои традиции, постигали русский язык и культуру, укоренялись и создавали семьи, нередко национально-смешанные. Например, многие татарские фамилии напрочь вписаны в летопись современного Воскресенского края, дав ему специалистов различных отраслей производства, медицины, образования, культуры, органов власти и управления. Между прочим, в воскресенских школах в то время имелись классы для младших школьников с преподаванием на татарском языке, работала татарская библиотека.

Говоря о жизненном укладе Воскресенска, надо иметь в виду, что он заметно отличается от соседних

районов, где годами устанавливались традиции крестьянские, рабочие, купеческие, мещанские, духовные, а приезжие люди сравнительно легко подвергались процессу ассимиляции. А вот на образ жизни воскресенцев годы индустриализации 1920–1930-х оказали огромное влияние. О какой-то ассимиляции приезжих и речи быть не могло — само коренное население (а здесь, кстати, испокон веку бок о бок со славянами жили финно-угорские народности) почти растворилось в общей массе. Важно и то, что город строился не на месте окрестных химкомбинату деревень, а совершенно на новой площадке, в стороне даже от пристанционного посёлка. Именно поэтому в своё летоисчисление он принципиально не включает возраст сёл и деревень, ныне вошедших в его черту, упоминание о которых в исторических документах относится ещё к XII–XIV векам — Кривякино, Неверово, Воскресенское, Федотово, Лопатино, Колыберево, Псарёво (Павлово), Суворово, Пять Крестов, Беркино, Новлянское.

Да и люди сюда приехали самые разные: романтики первых пятилеток и молодые выпускники рабфаков; просто подавшиеся за заработками и те, кто не смог по какой-то причине реализовать себя в родной стороне; бежавшие от раскулачивания или от житейской безысходности.

Они принесли с собой свои представления о социальной справедливости и пролетарское неприятие «торгашества», они не были обременены личным подсобным хозяйством и имели вакуум свободного времени после тяжёлой рабочей смены, они писали жизнь наново, отринув своё, неизвестное окружающим, прошлое. И землячество здесь поначалу

определялось не как воскресенское, а как тамбовское, брянское, татарское, украинское...

Такой сплав «пассионарных» личностей, представителей различных регионов, национальных культур и вероисповеданий, наконец, характеров, не мог не отразиться на коренных жителях края, на всём укладе жизни воскресенцев. В этом «котле» варились новые традиции, рождалась своя, далёкая от патриархальности культура.

В этой связи могут показаться любопытными, например, строки о женщинах Воскресенска писательницы Инны Анатольевны Гофф, жившей в этом городе и, кстати, написавшей здесь стихи, ставшие знаменитой песней «Русское поле»:

«Не знаю, все ли женщины в нём красивы, но красивых много. Закаты над рекой, старые аллеи в парке, игра света на лесных просеках и дальнее покато поле — всё, что окружает от рождения, формирует наш характер. Характер и внешность связаны неразрывно. Облик воскресенской женщины — мягкий, спокойный, немногословный. Задумчивость природы сообщилась ей и стала её природой. В то же время характер сильный, независимый. И своеобразная, — что тоже есть в воскресенской природе, красота, где сквозь славянские черты проглядывает что-то иное, словно воспоминание о какой-то иной красоте.

Чёрные глаза и широкие скулы и сейчас не редкость у воскресенских красавиц, предки которых воевали на этих полях с ханом Батыем и ханом Мамаем, а отвоевав, роднились с воинственными соседями.

Село Сабурово Воскресенского района принадлежало боярскому роду Сабуровых, потомков татарского мурзы Четы. Дочь одного из Сабуровых, Соломония, была

выбрана в жены царю Василию Третьему из полутора тысяч красивейших девушек государства Российского» (Знакомые деревья. — М.: Советский писатель, 1978).

Пытливому Ахмету не было здесь одиноко, у него появились новые друзья. Он много писал, переводил с татарского языка на русский и с русского на татарский. С особым увлечением занимался переводами стихов Сергея Есенина, но публиковать их не торопился.

Живо интересовали Симаева и достопримечательности новой малой родины. Его друг и коллега Абдрахман Миниханов рассказывал воскресенскому журналисту и краеведу Сергею Кристи о том, как друзья любили бродить в окрестностях Воскресенска, осматривая исторические места.

Как-то за Москвой-рекой по пути в село Константиново Ахмет с увлечением пересказывал другу предания о днях пребывания в усадьбе Спасское Николая Васильевича Гоголя. Писатель 85 лет тому назад, в 1851 году, гостил здесь у блистательной фрейлины императорского двора, хозяйки столичных литературных салонов Александры Осиповны Смирновой-Россет и любил переправляться на противоположный берег — в село Константиново, пейзажи которого так напоминали ему родную Малороссию...

И тут же Ахмет переключился на другое Константиново — рязанское, где родился Сергей Есенин. Неожиданно стал читать стихи на татарском языке. Абдрахман спросил: «Это твои?». На что Симаев ответил: «Представь себе, когда я эти стихи читал Мусе Джалилю, тот тоже удивлённо задал мне такой же вопрос... Нет, это стихи Есенина, только в моём переводе. Что, хорошо?». «Мне нравится». «А Джалиль

сказал мне, что я правильно делаю, занимаясь переводами. Нашей многонациональной литературе нужны люди, в совершенстве овладевшие искусством перевода — это замечательная школа и для начинающего поэта. Ты можешь стать универсалом, Ахмет, потому что хорошо владеешь обоими языками. Я же могу писать стихи только на родном, тюркском...».

Молодая семья и разлука

В Воскресенске в 1939 году молодой журналист обрёл семью, женившись на Валентине Григорьевне Листопад, работавшей в редакции газеты машинисткой. Жили молодожёны в доме № 8 по улице Стандартной, в маленькой комнате квартиры № 7. Ахмет много писал дома, и, по воспоминаниям коллег, свет в его окне на первом этаже горел допоздна.

Редакционная работа отнимала много времени и сил. Ежедневно Ахмет перечитывал и осмысливал множество статей.

Значительное место в газете занимали материалы политического характера. И поэт не мог не откликнуться на происходящие события («Символическая картина»):

*Тревожно. Полночь. Шторм.
Нависают
Над океаном тучи и туман.
Волнуется, бушует океан.
И там и тут во мраке тени тают.
То в бессилье гибнут корабли.
Стиснутые злобной силой волн...*

*Но, образуя ярко-красный холм,
Над этой жуткой мрачностью
Вдали
Стоит скала незыблемой твердыней.
На ней четыре буквы —
СССР —
сверкают.*

А в мире уже чувствовалось приближение большой войны.

В публикуемых 30 марта 1939 года в газете стихах Ахмета Симаева «Страна родная» проникновенно звучат слова любви к Родине:

*И вот я один стою на просторе.
Передо мной необъятное поле
Облито блеском и красками зорь,
Обвеяно нежной прохладой озёр.*

*Редуют туманы, в теплыне растаяв,
Цветёт и волнуется рожь золотая.
Нет тут ни капли печали и скуки, —
Сердце ласкают весёлые звуки.*

*В такие минуты рождаются песни
И созревают чудесные мысли:
Песни приволья — о счастье вечном,
Мысли о жизни большой, бесконечной.*

*Вдохновенный, счастливый, свободный пою
О том, как люблю я Отчизну мою.
Какое величье любому и мне —
Быть Человеком на этой Земле!*

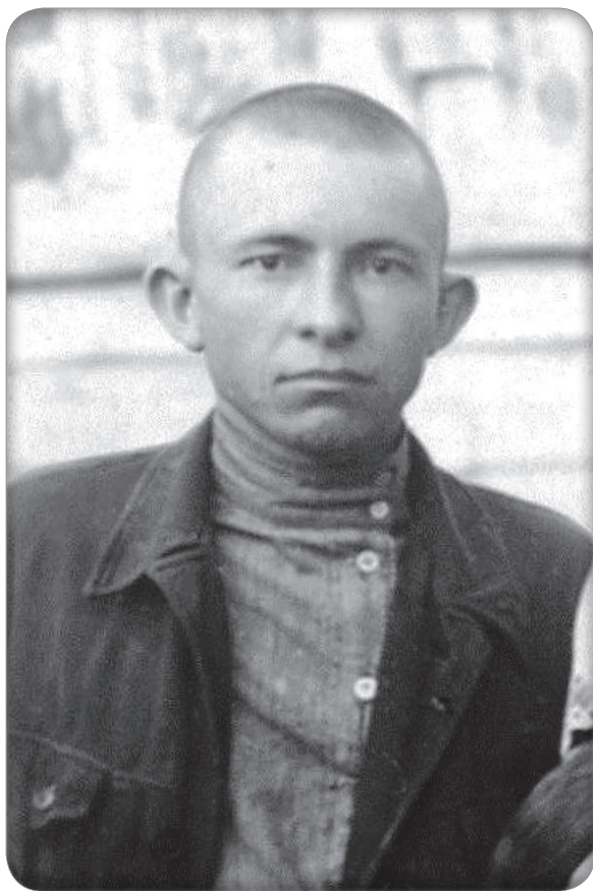
В одном из последних, опубликованных в газете «Коммунист», стихотворении он писал:

*...Про тебя ли, о Мать великанов,
Говорят — Золотая Страна,
Драгоценный, священный камень...*

В 1939 году он поступил заочно на литературный факультет Московского педагогического института. В газете уже нередко стали публиковаться стихи Ахмета. Среди них и переводы с татарского под псевдонимом А. Влиндор. Псевдонимом взял первоначальное татарское название родной деревни — Влиндор. Кстати, в редакции его по-дружески звали Анатолием. Самому ему нравилось имя Андрей, а жена Валя величала его Симой.

Через год учёбу в институте пришлось прервать. Осенью 1940 года 24-летнего Ахмета призвали на срочную службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию.

К великому сожалению, стихи Ахмета Симаева, хранившиеся в редакции газеты, были сожжены, как и весь редакционный архив, сразу после 20 октября 1941 года, когда в Москве и области было введено осадное положение. Татарскому литературоведу Гази Кашшафу (Миргази Султанович Кашшафутдинов) всё же удалось отыскать две тетради и несколько листков с пятьюдесятью стихотворениями Симаева. Они написаны в период 1931–1940 годов, и большинство не опубликовано. В его довоенных стихах пафос созидательного труда и отклики на происходящие в стране, в мире события, место человека в жизни и мотивы природы.

Ахмет Симаев (начало 1930-х годов)

Деревня Усть-Рахмановка в Мордовии сегодня

*Начальная школа в селе Старое Синдрово
(архивное фото)*

Здание полиграфического комбината «Правда» в Москве

*Татарский общественный культурный центр
(Дом Асадуллаева) в Москве*

Муса Джалиль

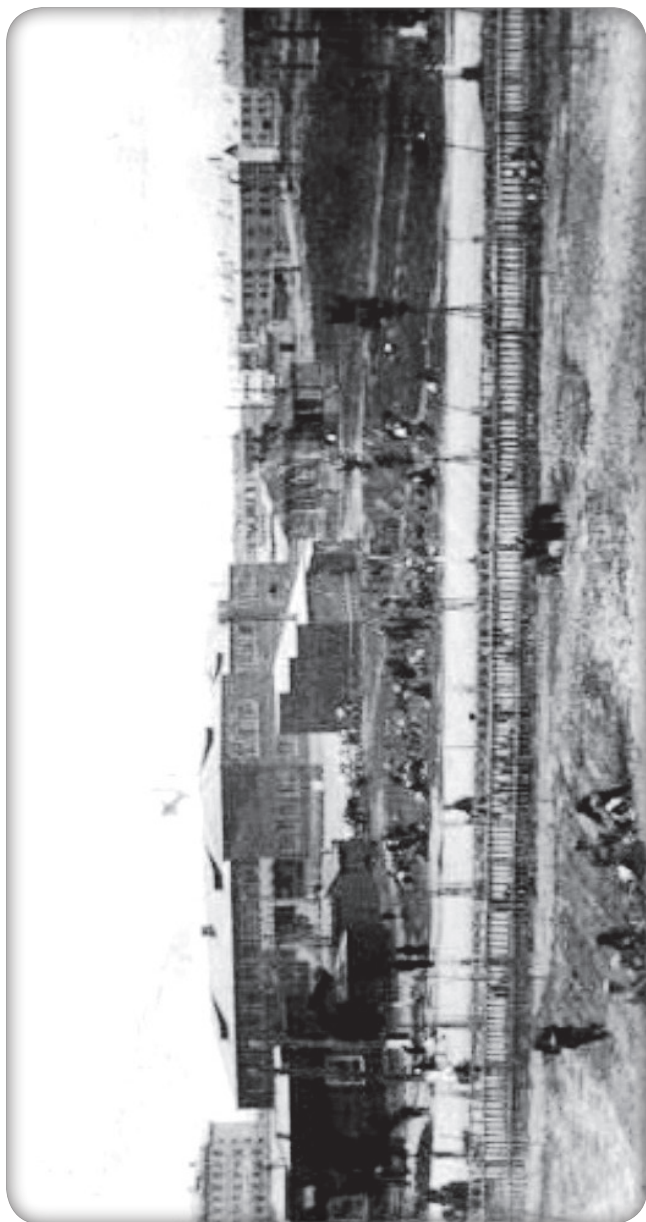
*Литературный кружок при Татарском культурном центре в Замоскворечье
(начало 1930-х годов). Во втором ряду слева — Ахмет Симеев,
в первом ряду в центре — Муса Джалиль*

Ахмет Симаев (1936 год)

Вокзальная площадь станции Воскресенск (середина XX века)

Воскресенск, улица Советская. В центре – двухэтажное здание райисполкома, на первом этаже которого находилась редакция газеты «За темпы» – «Коммунист» (1938 год)

*Валентина Симаева-Листопад в редакции газеты
(начало 1940-х годов)*

Дом № 8 по улице Стандартной в Воскресенске, где на первом этаже жили Симеевы – Ахмет, Валентина и их дочь Людмила (2020 год, фото В. Дубровина)

А Валя ко времени призыва мужа была уже беременной. Вскоре у них родилась дочь Людмила, которую увидеть ему так и не довелось.

Незадолго до ухода в армию, в ожидании призыва в семью, Ахмет посвятил Валентине стихотворение:

*Скоро, очень, очень скоро
Ненадолго ты покинешь дом,
Потемнеют чуть на окнах шторы,
Поселится скука над углом.*

*Буду ждать с волнением, зная,
Что вернёшься не одна — вдвоём.
Принесёшь, как дар теплыни мая,
Схожий с нами розовенький ком...*

Находясь в армии, он беспокоится о своих родных. Вот письмо от 2 марта 1941 года из Даурии (Забайкалье): «...Валя, ради бога, береги своё здоровье и нашу с тобой дочь, пойми ты, господи, как я вас люблю, как я хочу вас видеть...». А ещё в каждом письме спрашивает о здоровье матери, пишет, что «постоянно думает о ней, не забывает её ни на минуту».

Армейская служба

Итак, в октябре 1940 года Ахмет Симеаев был призван в Красную Армию и направлен для прохождения военной службы в Забайкалье. В армии он освоил специальность радиотелеграфиста.

Сначала служил в 23-м кавалерийском полку 15-й кавалерийской Кубанской дивизии, расквартирован-

ной в южных предгорьях Нерчинского хребта в пристанционном посёлке Харанор.

После расформирования дивизии в мае 1941 года Симаева перевели в Монголию в 130-й батальон связи 82-й моторизованной дивизии, а потом в заново сформированный в составе этой дивизии 250-й мотострелковый полк. Дислоцировалась дивизия в городе Баян-Тумен (в 1941 году переименованном в Чойбалсан).

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, и меняется тон вестей домой от Ахмета Симаева. 16 сентября он пишет жене: *«...Страшно переживаю войну, навязанную моему жизнерадостному свободному народу этими насильниками, чёрными извергами рода человеческого».*

Обстановка на фронтах с каждым днём всё более обостряется.

5 октября 1941 года 82-я дивизия, переформированная в мотострелковую, была погружена в железнодорожные вагоны и через 17 дней переброшена к Москве — в Загорск (Сергиев Посад). Через станцию Воскресенск дальневосточный эшелон прошёл без остановки. А ещё через два дня дивизия, поднятая по тревоге, уже разворачивала свои боевые порядки восточнее Можайска, влившись в 5-ю армию Западного фронта.

В составе дивизии на защиту столицы встал и 250-й стрелковый полк. В него входили три батальона, отдельная батарея, миномётная рота, взвод 45-мм противотанковых орудий. Ефрейтор Ахмет Симаев был начальником полковой радиостанции.

5-я армия находилась на очень важном участке обороны Москвы — Можайском направлении.

Противник проявлял особый интерес к Минской автостраде и Можайскому шоссе, в которых, по-видимому, немцы видели магистральные пути на Москву. 23 октября враг двинул в бой на этом направлении около 50 танков и крупные силы пехоты. Оборонявшиеся Дорохово части 50-й стрелковой дивизии вынуждены были оставить посёлок. Гитлеровцы сосредоточили ударные силы западнее Кубинки, намереваясь взять и её, чтобы далее наступать на Москву.

26 октября в этой тяжёлой для 5-й армии обстановке её командующий генерал-лейтенант Л.А. Говоров решил ввести в бой свежую 82-ю мотострелковую дивизию и, отказавшись от своего резерва, усилил её 27-м отдельным танковым батальоном.

Здесь под Кубинкой личный состав дивизии получил боевое крещение. Несмотря на мощные артиллерийские, частые штурмовки с воздуха, непрерывные атаки танковых и пехотных подразделений, бойцы удержали рубежи обороны.

15 ноября 1941 года Ахмет Симаев пишет домой «большое» послание с некоторыми «окопными» подробностями: *«Фронт. Ночь холодная и тёмная, но сравнительно спокойная; лишь изредка, разрывая тишину и сотрясая землю, охают дальнобойные орудия. В землянке тесно, дымно и темно. Ребята, полулёжа, почти друг на друге, спят крепким, тревожным сном, часто тормошась и бормоча. Ночь длинная, а сон их короткий. Скоро начнётся рассвет, с грохотом, треском, в огне появится день, боевой день! Зима, война, фронт...*

Во мне ещё не отошли привычки давней юности моей, по-прежнему люблю думать наедине, когда кругом всё спит и молчит. Вот и сейчас сижу и думаю, думаю; хочу написать тебе хорошее письмо, такое,

чтобы оно хоть немного изгладило, уменьшило твою тревожную тоску, чтобы оно донесло до тебя теплоту моего сердца, искринки моей живучей души и чтобы ты никогда не думала о том, о чём ты невольно думала до этого и ещё больше будешь думать после этого письма.

Но что я могу написать тебе сейчас, кроме сказанного, да ещё нескольких заранее известных, какой-то сот раз повторяющихся общих фраз о том, что пока жив и здоров, что соскучился, тоскую по тебе, страшно хочу видеть тебя!..

Валя, как провели праздник, что в редакции, пришли мне фото, где мы с Сашей осенью на празднике засняты. Твой Сима».

В ходе контрнаступления под Москвой и общего наступления советских войск зимой 1941/1942 годов дивизия участвовала в освобождении Дорохова, Можайска, Бородина и других городов и посёлков.

В середине декабря 1941 года 250-й мотострелковый полк отвели в район Внуково на переформирование в воздушно-десантный полк с тем же номером. Командиром полка был назначен майор Николай Лаврентьевич Солдатов (впоследствии ставший генерал-лейтенантом). И вновь переброска на фронт.

В это время Ахмет Симаев пишет чернильным карандашом на серой в линейку бумаге ученической тетради письмо своему другу в редакции воскресенской газеты Анне Дмитриевне Жерновковой:

«9 января 1942 г. Западный фронт.

Здравствуй, мой старый друг! Война, фронт, зима... Самая беспощадная война, бесконечная, неумолимая. Каждый день полон потрясающих впечатлений. Иногда, вдруг, оторвёшься от движения времени, зарю с закатом путаешь, забываешь себя, и вот в такие минуты

получаешь письмо — от жены ли, от друга ли, от брата ли — всё равно кажется долгожданным и неизмеримо дорогим, несравнимо тёплым и нежным. Оно приносит дыхание былой жизни на кошмарное поле битвы, где вместе с выюгами пляшет смерть, то завывая и зловеще свистя, то уныло рыдая. И вдруг в памяти предстанет что-то живое и чудесное, близкое и родное, и вспоминаешь, вспоминаешь...

А затем снова война, жестокая, всепожирающая, и только что прилетевшее впечатление мигом пожирается, поглощается чем-то жестоким и безумным. Я ещё до этого основательно перелистал большую и реальную книгу жизни. О, какое безумство, какое чёрное варварство — эта война, какую глубокую трагедию несёт она человечеству! И вот я воюю, Аня, воюю так, как хотела бы ты и тысячи других, тебе подобных. Воюю жестоко, с рвением, потому что я очень хочу жить, жить, мечтать, желать, надеяться, строить, творить, жить и получать ответы на это своё письмо и ещё много-много других писем от тебя, жены, родных и знакомых.

Я последние несколько дней жил почти совсем около Москвы, но поехать в Москву и тем более туда, к вам, не имел никакой возможности. Как жаль, как хочется побывать дома! Кстати, теперь вы несколько спокойны: «вояки» эти захлебнулись, слава нам. Да это ли ещё впереди, плохо они чувствуют себя, ой, как плохо. Так называемая «великая третья империя» будет похоронена именно в снегах России, так же, как и «светлая» слава Бонапарта. Вернусь живым — расскажу о многом...

Передай привет мой Мотову, Успенскому и другим сотрудникам редакции. Будьте счастливы и здоровы!

Ваш Сима».

Десант в тыл врага

Судьбоносным для Ахмета Симаева стало участие в одной из первых и самых массовых воздушно-десантных операций Великой Отечественной войны — Вяземской (Ржевско-Вяземская наступательная операция).

Участникам операции ставилась задача перерезать шоссе из Вязьмы на Юхнов и железную дорогу Вязьма — Брянск, пресечь коммуникации противника и содействовать войскам Западного фронта в окружении юхновской группировки немцев. Одновременно наступлением в направлении деревни Тёмкино десант должен был способствовать продвижению 33-й армии.

С 18 по 22 января 1942 года десантная группа 250-го полка самолётами «Дуглас» была высажена ночью в тыл немецких войск на полевом аэродроме Плеснево (Плеснеево) в сорока километрах к югу от Вязьмы.

За месяц, что полк был переименован в воздушно-десантный, он, по сути, так и остался стрелковым. Никакого опыта прыжков с парашютом бойцы не имели, прошли лишь краткое обучение бою в ночных условиях и подрывному делу. Поэтому основные силы десанта высаживали посадочным способом.

Командующий войсками Западного фронта генерал Г.К. Жуков поставил лично майору Н.Л. Солдатову задачу: после высадки захватить станцию Мятлево и хотя бы временно прервать все пути сообщения из Медыни на Юхнов. Кроме того, от десантников требовалось перерезать дорогу от Медыни на Кременское и все пути к северо-западу от Медыни, а также шоссе, ведущее от Полотняного завода, тем самым

не допустив отхода противника от Медыни вплоть до подхода в этот район основных сил.

Десантированные в немецкий тыл части 33-й армии в течение полумесяца активно действовали в отрыве от своих войск. Беспрерывно ведя бои, десантники сумели удержать большую территорию, нанесли противнику огромный урон, нарушили тыловые коммуникации юхновской группировки врага, сумели прочно приковать к себе значительные силы немецких войск. Это способствовало начавшемуся наступлению Западного фронта от подмосковных рубежей.

Трудно переоценить важность для управления войсками во вражеском окружении связи с командованием и подразделениями. На начальнике радиостанции лежит сверхответственная и сложная задача оперативно и бесперебойно осуществлять эту связь. А на радиостанцию 250-го полка к тому ж легла и дополнительная нагрузка по обеспечению связью со штабом Западного фронта командования дивизии, утратившего собственную радиостанцию.

О ратных заслугах Ахмета Симаева в десантной операции свидетельствуют скупые строки наградного листа на представление его к медали «За боевые заслуги»:

«Симаев Ахмет Садретдинович, 1915 г. рождения, ефрейтор, начальник рации, татарин, беспартийный, в Красной Армии с 1940 г.

В период выполнения полком боевых задач в тылу врага с 20.1.42 г. держал бесперебойную связь со штабом Западного фронта в сложных метеорологических и боевых условиях».

Подписали раеляцию командир 250-го воздушно-десантного полка майор Солдатов, комиссар полка

старший политрук Сычушкин и начальник штаба полка капитан Подлюбко.

Внизу резолюция командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта П.А. Белова и военкома корпуса батальонного комиссара Щелаковского — *«Достоин Правительственной награды»*. Это высокая оценка — в первый год войны награждали не часто.

Награду Ахмет получить не успел — приказ о награждении медалью «За боевые заслуги» был подписан командующим войсками Западного фронта генералом армии Г.К. Жуковым 31 мая 1942 года, а уже 7 марта Симаев оказался в плену.

Плен, лагерь, легион

На последней пришедшей в Воскресенск весточке стоит дата — 12 февраля 1942 года. В ней Ахмет сообщает Валентине: *«Я на своей земле, но пока не нашей. Я — в командировке. Мне обещали, что, когда вернусь, отпустят домой на побывку. Ждите... Ваш Сима»*.

Сотни раз перечитывали короткую открытку, рассматривали её со всех сторон, не осталось ли чего-то недосказанного, недописанного. Кто-то из близких обратил внимание на еле различимое, мелкими буквами написанное слово: *«Смоленск»*.

Больше писем не приходило.

О дальнейшей судьбе мужа и отца семья Симаева узнала лишь спустя одиннадцать лет после окончания войны. Но и тогда много было неясного и недоговорённого.

Есть несколько версий пленения Ахмета Симая. По одной из них, якобы, самолёт, на котором летел десантник-радиот, был сбит над территорией, занятой немецкими войсками. Но если такое и могло быть, то только в случае эвакуации радиостанции из окружения.

Наиболее вероятно, что такого полёта не было, а в глубоком тылу врага он оказался в ходе упомянутой Вяземской воздушно-десантной операции.

Предполагалось, что основные силы фронта в результате операции соединятся с десантниками через двое-трое суток. Но не всё пошло по плану: сил и средств оказалось недостаточно. Встречный прорыв не удался, и не имевшие тяжёлого вооружения и материального снабжения части были вынуждены под жестоким танковым и артиллерийским натиском немцев выходить из окружения отдельными отрядами и подразделениями. Вышли не все — кто погиб, кто попал в плен. В итоге через боевые порядки противника из всего десанта смогли просочиться примерно 700 человек.

Доблестно сражавшийся 250-й воздушно-десантный полк оказался в полосе действия 5-й танковой дивизии вермахта. 10 марта майор Николай Солдатов вывел в расположение 1-го гвардейского кавалерийского корпуса остатки полка — 75 лыжников. А первоначально численность полка составляла 1425 человек. Из-за больших потерь полк вскоре расформировали.

Ахмет Симаяев был пленён 7 марта 1942 года у деревни Панфилово в 14 километрах южнее Вязьмы.

Некоторые исследователи тех событий предполагают, что Ахмет Симаяев, подготовленный разведшколой,

специально был оставлен для ведения диверсионно-подрывной деятельности в тылу врага. Косвенным подкреплением этой версии можно считать обвинение, впоследствии предъявленное ему гестапо, в том, что он советский разведчик, засланный в Германию с диверсионными целями.

Так или иначе, но 7 марта на первом допросе в разведотделе 23-й немецкой пехотной дивизии (судя по переводу протокола допроса, представленному на сайте «33-army.ru») он излагает свою легенду, по которой родился в узбекском Коканде, был приговорён в 1936 году за антиправительственные высказывания к 21 месяцу тюрьмы, срок отбывал на принудительных работах в Карелии, освобожден летом 1938 года и потом работал корректором в газете. Отец его тоже был осуждён за антисоветскую деятельность и пропал. Во время службы в Монголии Симаев будто бы надеялся, что, когда начнётся война с Японией, у него будет возможность побега. Согласно протоколу допроса он уверял дознавателей, что является «фанатичным татарским националистом», «хочет участвовать в борьбе против советской власти пропагандистским путём».

Как видим, показания не соответствуют официальной биографии во всём, что немцам невозможно было перепроверить. И наоборот, предлагаются моменты, могущие представить его идейным коллаборационистом.

Ответы пленённого показались допрашивающим правдоподобными, и последовал вывод: «Учитывая его интеллект и сообразительность, Симаев будет полезен в пропагандистских целях — возможно, также для агентской работы».

Далее были лагеря для военнопленных — от пересыльного в Вязьме до специального в Вустрау (Sonderlager Wustrau) под Берлином.

Лагерь Вустрау был подчинен Министерству Восточных земель и являлся своего рода сборным пунктом. Туда направляли пленных, которых можно было бы использовать в борьбе против СССР. Отбор в Вустрау осуществлялся из пересылочных лагерей. Отбирались люди в основном образованные — с высшим или незаконченным высшим образованием, старшие командиры Красной Армии.

Прошедшие проверку и испытания получали штатскую одежду и относительно свободно жили. Их обучали в школе агентов-пропагандистов в берлинском пригороде Вульхайде (Wuhlheide).

Провал планов молниеносной войны и разгром фашистских войск под Москвой привели к тому, что немецкая армия стала ощущать недостаток в живой силе. И тогда рейхсминистр оккупированных территорий Востока Альфред Розенберг предложил свой план: использовать в качестве «пушечного мяса» военнопленных. В первый год войны в немецком плену оказалось около трёх миллионов советских граждан. Всячески раздувая национальную рознь, гитлеровцы хотели заставить пленных воевать против собственной Родины.

Уже весной 1942 года Гитлер подписал приказ о создании грузинского, армянского и азербайджанского, туркестанского и горского легионов.

15 августа 1942 года был подписан приказ верховного командования сухопутных сил вермахта о создании из военнопленных поволжских национальностей, преимущественно татар и башкир

Волжско-татарского легиона «Идель-Урал» (Идель — татарское название реки Волги).

За время войны из уроженцев междуречья Волги и Урала было сформировано семь полевых батальонов, а также 15 отдельных рот: строительные, железнодорожные, транспортные и прочие вспомогательные подразделения обслуживания германской армии, но не предназначенных для непосредственного участия в боевых действиях.

Готовя легион к решению боевых задач, немцы отнеслись к его комплектованию серьёзно. Каждый полевой батальон имел в своём составе три стрелковые, пулемётную и штабную роты по 130—200 человек в каждой; в стрелковой роте — три стрелковых и пулемётный взводы, в штабной — взводы противотанковый, миномётный, сапёрный и связи.

Каждый батальон насчитывал 800—1000 солдат и офицеров, в том числе 60 человек германского кадрового персонала: четыре офицера, один чиновник, 32 унтер-офицера и 23 рядовых.

У немецких командиров батальонов и рот были заместители из числа представителей национальности легионеров. Командный состав ниже ротного звена был исключительно национальным. На вооружении батальона имелись три противотанковые пушки (45-мм), 15 лёгких и тяжёлых миномётов, 52 ручных и станковых пулемёта, винтовки и автоматы (в основном трофейные советские).

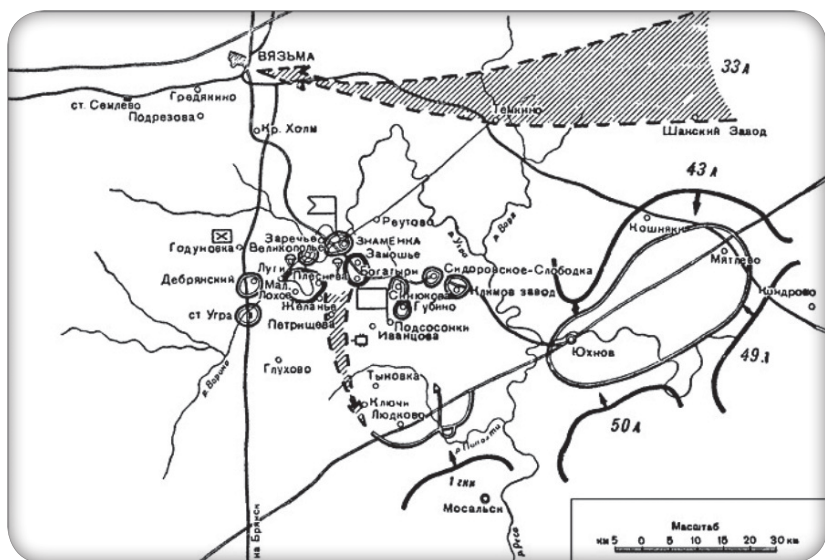
Параллельно нацисты формировали политические структуры, призванные работать с татарами и представителями других народов, проживавших в Поволжье и Приуралье.

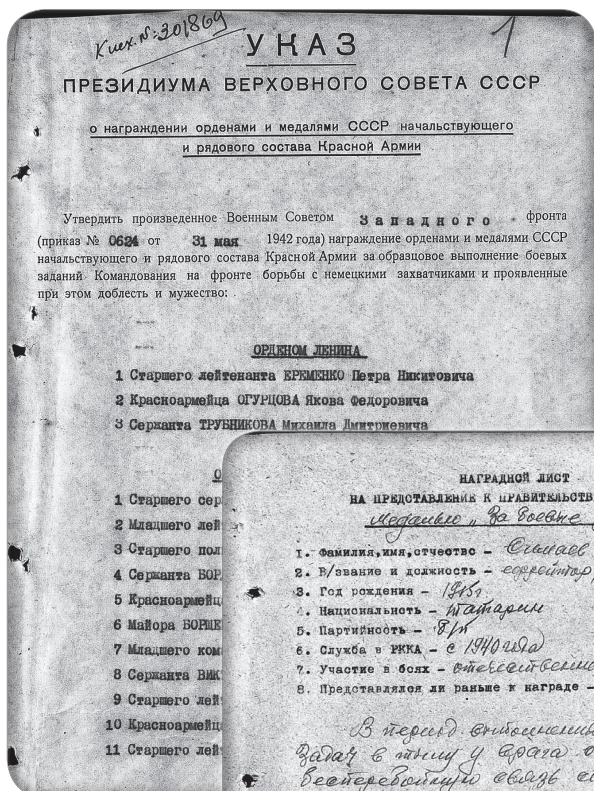
Ахмет Симеев (1936 год)

Посадка десантников в самолёт

*Схема боевых действий 250-го воздушно-десантного полка
с 18 по 28 января 1942 года*

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ К ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДЕ

медали «За боевые заслуги»

58501

1. Фамилия, имя, отчество - Симаев Александр Александрович
2. В/звание и должность - сержант, начальник взвода
3. Год рождения - 1915
4. Национальность - татарин
5. Партийность - ВКП
6. Служба в РККА - с 1940 года
7. Участие в боях - в боях с немецкими захватчиками
8. Представлялся ли раньше к награде - не представлялся

В период Отечественной войны воевал в составе 4-го армийского корпуса Западного фронта в составе инженерно-сапёрного батальона.

Командир 2-го взвода
сержант Симаев Александр Александрович

Начальник штаба
капитан Гусев

Достоин награды за боевые заслуги.

Командир 1-го взвода
сержант Симаев Александр Александрович

19.2.42

Наградной лист о представлении А. С. Симаева
к медали «За боевые заслуги» и Указ Президиума
Верховного Совета СССР о награждении

*Старший политрук
Муса Мустафович Залилов
(Джалиль)*

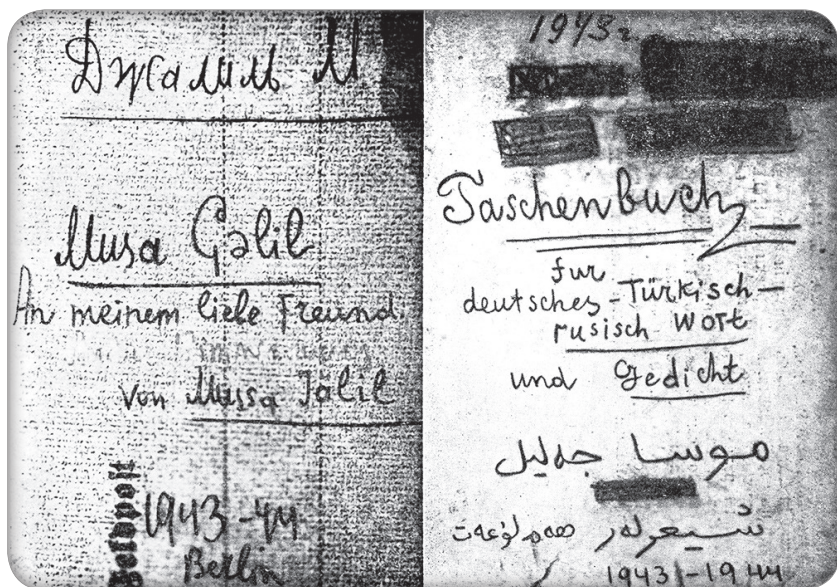
Лагерь легиона «Идель-Урал» в Едлино (Польша)

Выступление музыкальной капеллы перед легионерами

Берлинская тюрьма Моабит

*Тетрадь стихов Мусы Джалиля, написанных
в Моабитской тюрьме в 1943–1944 годах*

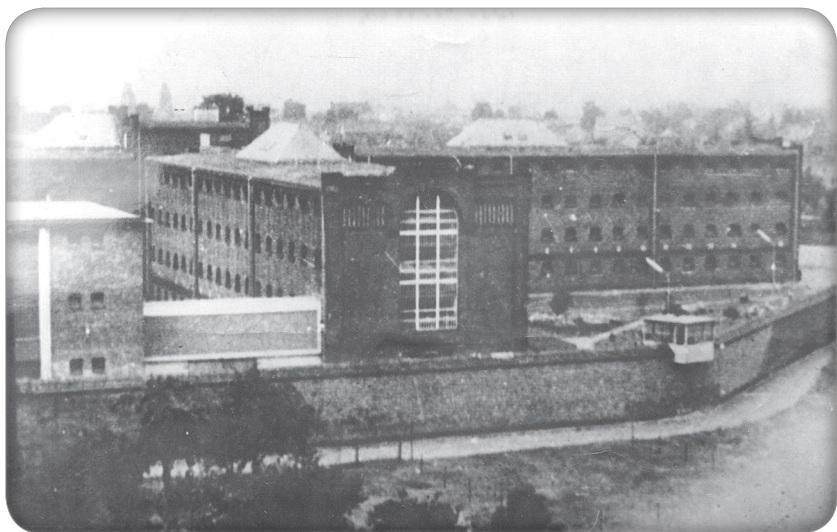
144. Курмашев и 10 других - 2 Суд- vom 12.1.1944 (Lehr)

Nummer	Name (Geburtsdatum)	Strafe	Teil
1.	Kurmaschew, Reimar, geb. 1911		Todesstrafe
2.	Schmitt, Ludwig, geb. 1916		Todesstrafe
3.	Blischen, Walter, geb. 1908	Todesstrafe	
4.	Busch, Eugen, geb. 1915	Todesstrafe	
5.	Gutierrez, Leopoldo, geb. 1906	Todesstrafe	
6.	Shabazov, Kurman, geb. 1907	Todesstrafe	
7.	Schmitt, Johann, geb. 1915	Todesstrafe	
8.	Bollatow, Reimar, geb. 1916	Todesstrafe	
9.	Schmitt, Johann, geb. 1916	Todesstrafe	
10.	Schmitt, Johann, geb. 1918	Todesstrafe	
11.	Shabazov, Kurman, geb. 1915	Todesstrafe	

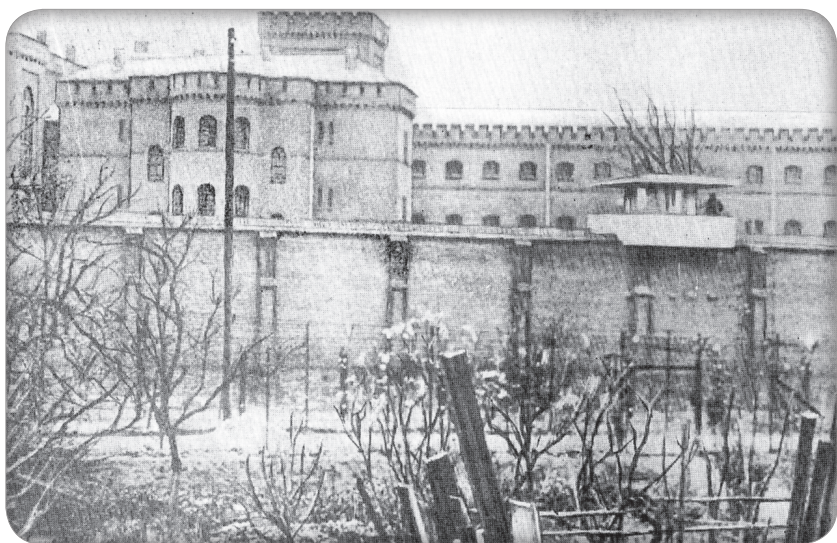
Выписка из протокола Имперского суда
от 12 февраля 1944 года

«Курмашев и десять других»

Тегельская тюрьма в Берлине

Берлинская крепость Шпандау

«Дом смерти» в берлинской тюрьме Плётцензее

Гильотина в тюрьме Плётцензее

Nr. 2972

ITS 162

Gc

Berlin-Charlottenburg, den 26. August 1944

Der Journalist und Dichter Achmed S i m a j e w

mohammedanisch

wohnhaft in Berlin-Charlottenburg, Wilmersdorfer Strasse 15,

ist am 25. August 1944 um 12 Uhr 24 Minuten

in Berlin - Charlottenburg, Königsdamm 7, verstorben.

Der Verstorbene war geboren am 28. Dezember 1915

in Krasnaselabosk/Russland

(Standesamt Nr.)

Vater: #Sadredein Simajew

Mutter: Scharifea Simajew, geborene Starkowa,

beider letzter Wohnort unbekannt.

Der Verstorbene war nicht verheiratet mit Valentina Simajew,

geborenen Listobat.

Eingetragen auf mündliche - schriftliche - Anzeige des Hilfsaufsehers
Paul Dürrhauer, wohnhaft Berlin, Manteuffelstrasse 10.

Der Angelegende ist bekannt und erklärte, er sei von
dem Tode aus eigener Wissenschaft unterrichtet.

Vorgelesen, genehmigt und - - - unterschrieben

Paul Dürrhauer

Der Standesbeamte

In Vertretung: G l o c k.

Todesursache: Enthauptung.

Chefbesetzung des Verstorbenen am in

(Standesamt Nr.)

ITS 162

Die Übereinstimmung der umseitigen Abschrift mit den Eintragungen im Sterberegister wird
hiermit beglaubigt.

Berlin - Charlottenburg, den 10. April 1946

Der Standesbeamte

In Vertretung: *Vamin*

Свидетельство о смерти Ахмета Симаяева
в тюрьме Плётцензее 25 августа 1944 года

Для идеологической обработки пленных в Берлине был создан комитет «Идель-Урал», или «Татарское посредничество». Во главе комитета стоял турецкий подданный Абдрахман Шафи Алмас (Габдрахман Галиуллин). Начала издаваться на татарском языке газета «Идель-Урал», ежедневно вёл передачи на татарском языке отдел радиовещания.

Подпольная работа

Ещё в лагере военнопленных Ахмет Симаев был одним из инициаторов создания антифашистского подполья. Руководителем организации стал двадцатитрёхлетний учитель — лейтенант Гайнан Курмашев.

Уже в конце 1942 года Симаев был внедрён в комитет «Идель-Урал». «Национальный комитет» осуществлял набор военнопленных татар и башкир в батальоны, которые, кстати, через несколько месяцев восстали против немцев.

Журналист Ахмет Симаев руководил изданием и распространением патриотических листовок по лагерям военнопленных.

Именно Симаев, по свидетельству многих легионеров, в частности Салиха Ганеева, нашёл в лагере для военнопленных попавшего раненым в плен на Волховском фронте под Новгородом в июне 1942 года старшего политрука Мусу Джалиля и привлёк к подпольной работе в легиионе. Под его ответственность в марте 1943 года немцы перевели военнопленного Гумерова (под этой фамилией Муса Джалиль значился в «национальном комитете») в спецлагерь в Ву-страу. Известно и то, что Ахмет Симаев предложил

Джалилию сформировать группу для связи с Красной Армией.

Симаев сам писал стихи и переводил на русский язык поэзию старшего друга. Свидетельством их близкой дружбы и роли, которую играл наш земляк в судьбе Мусы Джалиля, может служить дошедшее до нас стихотворение, посвящённое в 1944 году Джалилем Ахмету Симаеву:

*Не ты ли, друг, сомненьями не мучась,
Пожал при встрече руку крепко мне,
В неволе разделивший мою участь,
Мои страдания облегчив в тюрьме?*

*Не ты ли словом смелого батыра
Мне вновь надежду обрести помог
И сердцем, что в неволе не остыло,
В моей душе огонь борьбы зажгёг?*

*Да, ты, Ахмет. В день нашей первой встречи
Слезам твоим нежданным был я рад.
Ты целовал меня, сказав в тот вечер:
«Поэт мой, друг мой, мой земляк, мой брат!»*

*Мне не забыть той радостной минуты,
Когда во мне ты душу воскресил.
Ты разве клятву нашу позабыл?
Ахмет, молчишь сегодня почему ты?*

*Болит душа, и сердцу одиноко.
Хотя обиду я простил давно...
Симай, Симай, Отчизны нашей сокол,
С друзьями так вести себя грешно.*

*Ты наделён умом и сильной волей.
А сердцем верен правде до конца...
Ахмет, я у тебя учусь как воин
И мужеству, и стойкости бойца.*

*Я верю, что тебя услышу снова...
Хоть спрятан за тюремный ты засов,
Но жаром поэтического слова
Испепеляй орду фашистских псов!*

*Когда придёт свободы день заветный,
Мы, встретившись, обнимемся с тобой...
Пусть этот день таким же будет светлым,
Как час той клятвы, что вела нас в бой!*

(Перевод с татарского
Вадима Рахманова)

Как видно из стихотворения, нацисты всячески пытались посеять раздор, недоверие среди легионеров, чтобы играть на человеческих слабостях, неприязни, сплетнях. Джалиль призывает друга не верить клевете и помнить о главном — совместной борьбе. Нет и тени сомнения, что они верили в победу над фашизмом.

Пропагандистская работа среди военнопленных с призывами к борьбе против врага проводилась подпольщиками ещё до встречи с Джалилем, но с его приходом в организацию эта деятельность активизировалась.

Подпольщики поставили перед собой задачу сорвать замыслы фашистов, «взорвать легион изнутри», как говорил Муса Джалиль, повернуть вложенное

в руки легионеров оружие против самих гитлеровцев. Нелёгко и опасен был путь борьбы. Чтобы войти в доверие к фашистам, подпольщики для виду дали согласие сотрудничать с ними. Одни из них попали в легион, другие в комитет «Идель-Урал» в Берлине, третьи — в редакцию газеты «Идель-Урал».

На Симаева возлагались наиболее рискованные и ответственные поручения. Он прилично владел немецким языком, и ему не нужен был переводчик.

В подполье открылись новые грани характера Ахмета: он был умным и хитрым. Как бы ни были хорошо подготовлены гитлеровские разведчики, они не могли проникнуть в глубину его души — он казался им вполне лояльным. Они даже дали ему бумагу о том, что «в политическом отношении он благонадёжен» и разрешили свободное перемещение по Берлину и всей Германии. В Берлине он снимал частную квартиру в округе Шарлоттенбург на улице Вильмерсдорферштрассе, 15 (Berlin-Charlottenburg, Wilmersdorfer Straße, 15). Здесь он также встречался со связными из лагерей военнопленных для передачи листовок.

Многие знали, что Симаев как радиокорреспондент «Идель-Урал» имел аудиенцию у рейхсминистра восточных оккупированных территорий Альфреда Розенберга и у Шафи Алмаса. Всё это отводило от Симаева излишние подозрения.

Ахмет Симаев входил в группу подпольщиков, которая работала в одном из восточных отделов легиона «Идель-Урал», недалеко от Потсдамерплац, в Берлине. Став переводчиком в радиостудии «Винета» комитета «Идель-Урал», Симаев вместе с другими подпольщиками слушал радиопередачи из Москвы.

Записывая сводки Совинформбюро, подпольщики размножали их на ротаторе (машине трафаретной печати) в виде листовок и переправляли в расположенный в 100 километрах южнее Варшавы под городом Радом Центральный Едлинский лагерь, где находился Джалиль. Распространялись листовки и среди «Ostarbeiter» («восточных рабочих») — советских людей, насильно угнанных в Германию.

Основное ядро подпольщиков в легионе группировалось вокруг музыкально-хоровой капеллы, созданной для культурного обслуживания военнопленных. Художественным руководителем и режиссером капеллы был Гайнан Курмашев. Разъезжая с концертами по лагерям, подпольщики распространяли антифашистские листовки, устанавливали новые связи, расширяли сферу своей деятельности.

В начале 1943 года немцы отправили в войска три полевых волжско-татарских батальона (825-й, 826-й и 827-й), а во второй половине 1943-го — ещё четыре (с 828-го по 831-й).

Труды подпольщиков не пропали даром. Первый (825-й) батальон легиона численностью около 900 человек 14 февраля 1943 года торжественно отправили на Восточный фронт. 19 февраля он прибыл в Витебск, где его основная часть была дислоцирована в деревне Гралево на левом берегу Западной Двины. Уже 21 февраля представители легионеров, действуя по поручению подпольной организации, связались с белорусскими партизанами и договорились об общем восстании батальона 22 февраля в 23.00. Несмотря на то, что немцам стало известно о планах легионеров и они за час до восстания провели аресты, схватив руководителей восстания, всё же под

руководством Хусаина Мухамедова около 500—600 легионеров с оружием в руках и с большим количеством снаряжения перешли на сторону партизан. Бежать не удалось только двум взводам батальона (их не успели известить) и арестованным легионерам. Оставшихся немцы срочно отвели в тыл и приписали к другим подразделениям.

Причём набором военнопленных в этот батальон непосредственно занимался Ахмет Симаев.

Около половины третьего и четвёртого батальонов тоже ушли к партизанам Украины. Многие другие легионеры присоединились к голландским, польским и французским участникам Сопротивления. Оставшиеся батальоны легиона были расформированы самими гитлеровцами как политически неблагонадёжные, большинство легионеров возвращены в концлагеря в Германии и Польше.

Приговорённые к смерти

Подпольная группа в Берлине существовала до 12 августа 1943 года. В результате предательской деятельности проникшего в организацию провокатора руководящая группа подпольщиков была арестована. Также считается, что роковую роль сыграл дефект одной литеры пишущей машинки с русским шрифтом, на которой печатали на восковой бумаге трафареты для ротатора. По ней гестапо и вышло на подпольщиков.

Кроме Мусы Джалиля и Ахмета Симаева в группу входили Абдулла Алишев, Фуат Булатов, Гариф Шабаев. Внезапный налёт агентов тайной полиции в ночь с 11 на 12 августа застал подпольщиков

в редакции «Идель-Урал», когда они, настроив приёмник, начали слушать и записывать сводку Совинформбюро — далеко на Родине шла кровопролитная Курская битва.

Всего в разных местах были арестованы около сорока человек из подразделения пропаганды легиона. Однако, благодаря тому, что Джалиль, Симаев, Алишев и некоторые другие взяли всю вину на себя, им удалось спасти тех из своих товарищей, против которых у гитлеровцев не было достаточно улик.

После провала подпольной организации берлинскую группу увезли в тюрьму гестапо на Курфюрстендамм и держали около месяца в одиночках, расположенных под землёй. Затем их присоединили к основной группе в тюрьме Моабит.

Дела особой важности — о государственной измене, заговорах против Третьего рейха, подрывной деятельности рассматривал Имперский суд.

С 7 по 12 февраля 1944 года в Дрездене Второй сенат Имперского суда разбирал дело «Курмашев и десять других» («Kurmaschew und zehn andere») о подрывной работе против немецкого рейха, создании подпольной антифашистской организации в комитете «Идель-Урал» и Волго-Татарском легионе, печатании и распространении листовок, призывавших легионеров повернуть оружие против немецких войск.

Высокий уровень судебного рассмотрения военных и политических преступлений арестованных — неоспоримое свидетельство того, что они действительно нанесли ощутимый ущерб нацистской Германии.

Одиннадцать арестованных руководителей подпольного центра — Абдулла Алиш (Алишев), Ахат

Атнашев, Абдулла Баттал (Батталов), Фуат Булатов, Салим Бухаров (Галлянур Бухараев), Муса Джалиль, Гайнан Курмаш (Курмашев), Фуат Сайфельмулюков, Ахмет Симаев, Зиннат Хасанов (Хуснуллин) и Гариф Шабаев были приговорены к смертной казни.

В пражском архиве найдена выписка из приговора Второго сената Имперского суда от 12 февраля 1944 года. Документ имеет в верхнем левом углу номер «36/44» и заголовок «Курмашев и 10 других». Он датирован 12 февраля 1944 года. В скобках указана фамилия судьи — Фляйшман. Указано место суда — Дрезден. Ниже дан список приговорённых к смертной казни: одиннадцать фамилий с указанием года рождения и профессии. Основанием для приговора Курмашеву, Алишеву, Булатову, Гумерову (Джалилю), Шабаеву, Симаеву, Батталову записано «содействие врагу» и «подрыв военной мощи». Сайфельмулюкову инкриминировано «военное предательство» и «подрыв военной мощи». Для трёх последних в списке осуждённых — Хасанова, Атнашева, Бухарова — основанием для смертного приговора указано «недонецение» и «военная измена».

Ещё полгода они ожидали исполнения приговора сначала в камерах смертников Тегельской тюрьмы, а затем в крепости Шпандау. Всё это время от них изощёрённо требовали подписания каких-то документов. Но ничто не смогло сломить воли патриотов.

После покушения на жизнь Адольфа Гитлера, совершённого 20 июля 1944 года подполковником Клаусом фон Штауффенбергом, были арестованы несколько тысяч подозреваемых в антинацистском заговоре немцев. По-видимому, понадобились места в тюрьмах, и последовало распоряжение рейхсфюрера

СС Генриха Гиммлера привести в исполнение ранее вынесенные приговоры.

Шли на смерть мужественно

Казнили подпольщиков как государственных преступников на гильотине в полдень 25 августа 1944 года в берлинской тюрьме Плётцензее. Поочередно с интервалом в три минуты с 12.06 до 12.36 их бросали на гильотину. Первым, согласно порядку, указанному в обвинительном заключении, был казнён Гайнан Курмашев, следом — Фуат Сайфельмулюков, Абдулла Алишев, Фуат Булатов, Муса Джалиль, Гариф Шабаев, Ахмет Симаев, Абдулла Батталов, Зиннат Хасанов, Ахат Атнашев, Салим Бухаров.

В уже упомянутой книге «По следам оборванной песни» Рафаэль Мустафин так описывает последний путь приговорённых к месту казни в тюремном «доме смерти»: «От тяжёлых, покрашенных охрой дверей центрального блока тюрьмы Плётцензее до приземистого кирпичного строения в глубине двора сто четырнадцать шагов. Сто четырнадцать шагов — сначала по стёршимся каменным плитам, потом по утопанному щебню вдоль высокой тюремной ограды, затем по неширокой, аккуратно посыпанной жёлтым песком дорожке...».

Последним с Симаевым общался заключённый итальянский антифашист Рениеро Ланфредини, которого в середине августа перевели в камеру № 153 тюрьмы Шпандау, где сидели Абдулла Алишев, Абдулла Батталов и Ахмет Симаев. Ланфредини вспоминал: «В пятницу, 25 августа 1944 года,

в 6 часов утра камера открылась. Охранник вошёл с листом, на котором были фамилии и имена осуждённых. Выкрикнув Симаева, Алишева и Батталова, он громко произнёс: «Всё кончено для вас, ваша смертная казнь утверждена». Уходя из камеры, Ахмет порывисто обнял Рениеро и сказал ему: «Ты так боялся умереть... Теперь мы идём умирать». На выходе друзья попрощались с ним по-итальянски и своим обычным «саям».

Немцы, присутствовавшие в тюрьме Плётцензее и видевшие заключённых татар в последние минуты их жизни, рассказывали, что держались они с удивительным достоинством.

Помощник надзирателя Пауль Дюррхауэр признавался: «Мне ещё не приходилось видеть, чтобы люди шли на место казни с гордо поднятой головой и пели при этом какую-то песню».

Католический пастор Георгий Юрытко также вспоминал, что, когда узников вывели из камер, они все вместе громко запели татарскую песню.

А может, это была молитва?..

Ахмету Симаеву исполнилось всего лишь 28 лет.

В тюремном архиве сохранилась регистрационная карточка Ахмета Симаева:

«Тюрьма Плётцензее в Берлине.

Имя, фамилия — Ахмет Симаев.

Номер карточки — 827/44.

Дата рождения — 28.12.1915.

Место рождения — Краснослободск (Россия).

Профессия — журналист, татарский легионер.

Помещение (блок) — IV.

Помещён — 25.8.1944 г. в 8 час. из военной тюрьмы Шпандау.

Исполнительный орган и № дела — РКА-II-343/43.

Преступление — подрывная деятельность.

Приговор — смертная казнь.

Причина выбытия — казнён 25.8.1944 г.

Печать (генеральный прокурор города Берлина).

Подпись (заведующий канцелярией)».

Немецкий писатель-публицист Леон Небенцаль разыскал в архиве берлинского загса (Standesamt) Свидетельство о смерти № 2972:

«Берлин-Шарлоттенбург, 26 августа 1944 г., журналист и поэт Ахмед (так имя записано в документе — В.Л.) Симаев, мусульманин, проживавший в Берлин-Шарлоттенбург, Вильмерсдорферштрассе, 15, умер 25 августа 1944 года в 12 часов 24 минуты в Берлин-Шарлоттенбург, Кёнигсдамм, 7.

Умерший родился 28 декабря 1915 года в Краснолободске (Россия). Отец — Садретдин Симаев, мать — Шарифа Симаева, урождённая Старкова, место жительства обоих неизвестно.

Умерший был женат на Валентине Симаевой, урождённой Листопад.

Заявлено и удостоверено: помощник надзирателя Пауль Дюррхауэр, проживающий: Берлин, Мантойфельштрассе, 10.

Сообщивший известен и заявил, что является личным свидетелем смерти.

Заявлено, прочитано и подписано: Пауль Дюррхауэр.

Причина смерти: обезглавлен».

«Прошу сообщить родным...»

После освобождения дрезденской тюрьмы на стене одной из камер была обнаружена надпись:

«Здесь сидел Ахмет Симаев, журналист, москвич. Нас из России 11 человек. Все мы осуждены вторым германским имперским судом на смертную казнь. Кто обнаружит эту надпись и вернётся живым на родину, прошу сообщить родным и близким о нашей судьбе. 24 марта 1944 года». Здесь же был указан адрес брата Ахмета Симаева — Фаттаха.

Позже на хлопчатобумажном ставне, которым маскировали окно камеры во время авианалётов, была обнаружена ещё одна запись:

«Здесь сидел Симаев, журналист, москвич, 13 февраля 1944 года приговорён германским имперским судом к смерти. Нас всего одиннадцать человек русских, все приговорены к смертной казни за политику. Кто прочтёт эти строки и живым вернётся на Россию, прошу передать моей жене Валентине Листопад, город Воскресенск, Московская область, или моим братьям и близким родственникам в Москве — Симаевым. К сему Симаев, 17 февраля 1944 года».

В Воскресенске о гибели земляка узнали лишь после окончания войны. В городской военный комиссариат поступило извещение из Управления по учёту погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава Народного комиссариата обороны СССР со стандартной формулировкой:

«По уточнённым данным кр<асноармеец> Симаев Ахмет Сатардинович (так отчество написано в документе — В.Л.)

Уроженец ... 1915 г. рождения, призванный Воскресенским горвоенкоматом, погиб в концентрационном лагере в германском плену ... февраль 1944 г.

По нашим данным семья прожив. г. Воскресенск ул. Стандартная д. 8, кв. 7.

Замените семье выданное ранее извещение, а если семья не имеет извещения, то выдайте согласно приказа НКО № 023 1944 г. (приказ касался форм бланков — В.Л.)».

Даты на извещении нет, но скорее всего оно получено в ноябре 1945 года.

...Жизнь берёт своё, и вдова погибшего героя через годы соединила свою судьбу с работавшим в газете фронтовиком Н.И. Антроповым, не видевшая отца дочь Людмила выросла и переехала на жительство в подмосковный город Химки.

Реабилитация и признание

Но долгим и трудным был путь к реабилитации нашего героя и его сподвижников на родине. Ведь поначалу, в 1946 году, Министерством государственной безопасности СССР все они обвинялись в измене Родине и пособничестве врагу.

В 1952 году проведенная Министерством государственной безопасности проверка установила, что Ахмет Симаев, Муса Джалиль и их соратники действительно вели подпольную работу, за что и казнены гитлеровцами. В августе 1952 года они были полностью реабилитированы.

2 февраля 1956 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за исключительную стойкость и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими

захватчиками в Великой Отечественной войне, поэту Мусе Мустафовичу Джалилю (Залилову) было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Благодаря уцелевшим сокамерникам до нас дошли две тетради стихов Мусы Джалиля — стихи сильного духом человека, настоящего сына своей Родины. Сохранились и некоторые стихи Ахмета Симаева.

Постановлением Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР от 22 апреля 1957 года ему присуждена Ленинская премия «за цикл стихотворений «Моабитская тетрадь»». Его именем названы город в Татарстане, улицы и площади многих населённых пунктов. Имя Джалиля присвоено Татарскому государственному театру оперы и балета. В Москве поэт-патриот увековечен памятной плитой на доме № 11 в Столешниковом переулке (здесь он жил с 1935 по 1941 год) и монументом, установленным в 2012 году на улице, носящей его имя.

Десять соратников Мусы Мустафовича Джалиля: Абдулла Бареевич Алишев, Ахат Махмутович Атнашев, Абдулла Вазыхович Батталов, Фуат Зиятдинович Булатов, Галлянур Мустафович Бухараев, Муса Джалиль, Гайнан Нуриевич Курмашев, Фуат Хаджеахметович Сайфельмулюков, Ахмет Садретдинович Симаев, Зиннат Хуснуллович Хуснуллин и Гариф Хафизович Шабаев Указом Президента СССР М.С. Горбачёва от 5 мая 1990 года № 116 за активную патриотическую деятельность в подпольной антифашистской группе и проявленные при этом стойкость и мужество посмертно награждены орденом Отечественной войны I степени.

НКО—СССР 61 Ф. № 4г

Управление по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и
сержантского состава

ВОЕННОМУ КОМИССАРУ Воскресенского Варвентина

По уточненным данным Кри (адрес)

Симаев Ахмет Сагдаринович (должность, звание,
фамилия, имя и отчество)

Уроженец Воскресенский 1915 г.
(область, район, деревня)

рождения, призванный Воскресенским 1 военкоматом

погиб в концентрационном лагере в германском плену

Орехов 1944 г.

По нашим данным семья пропав. Воскресенский Сидоретич
88 № 4.

Замените семье выданное ранее извещение, а если семья не имеет извещения, то
выдайте согласно приказа НКО № 023 1944 г.

Начальник управления Сидоретич
подполковник З. И. И. И.

Начальник 3-го отдела Сидоретич
майор 1944 г. 12

ЦТ НКО 1547—45

**Извещение Народного комиссариата обороны СССР
о гибели Ахмета Симаева в плену**

**С О Ю З
С О В Е Т С К И Х
С О Ц И А Л И -
С Т И Ч Е С К И Х
Р Е С П У Б Л И К**

ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
УКАЗОМ от 2 февраля 1956 г.
за исключительную стойкость и мужество,
проявленные в боях с немецко-фашистскими
захватчиками в Великой Отечественной войне

ПРИСВОИЛ Мусе Джалилю
(Залибу Мусе Мустафовичу)
ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Варвентин

СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Мусе

Москва—Кремль, 3 февраля 1956 г.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
УКАЗЫВАЮЩИЙ НА ТО, ЧТО ВВЕДЕНИЕ В ДЕЙСТВИЕ
УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ОБЯЗАТЕЛЬНО СЛЕДУЕТ СООБЩАТЬ В СООБЩЕНИИ
С О В Е Т С К И М У С Т А Н О В К А М

**Грамота Президиума Верховного Совета СССР
от 3 февраля 1956 года о присвоении Мусе Джалилю
звания Героя Советского Союза**

*Памятник
Мусе Джалилю
в Казани*

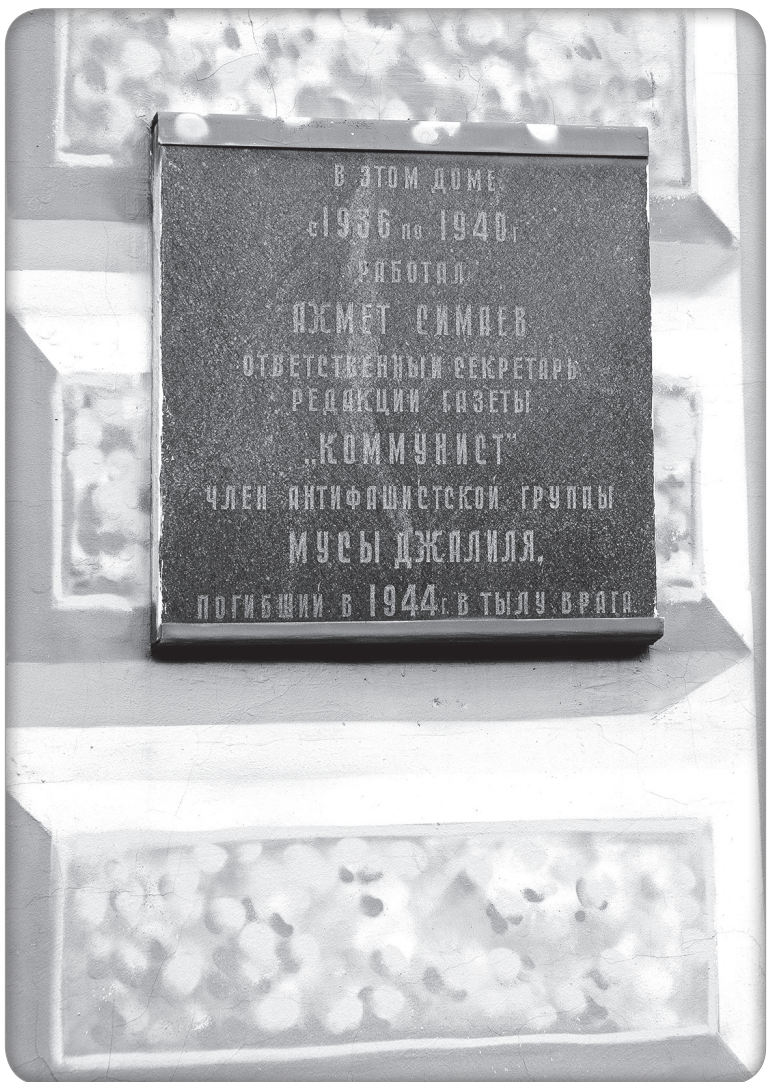
*Памятник
Мусе Джалилю
в Москве*

*Мемориальная плита в Берлинском музее
сопротивления фашизму*

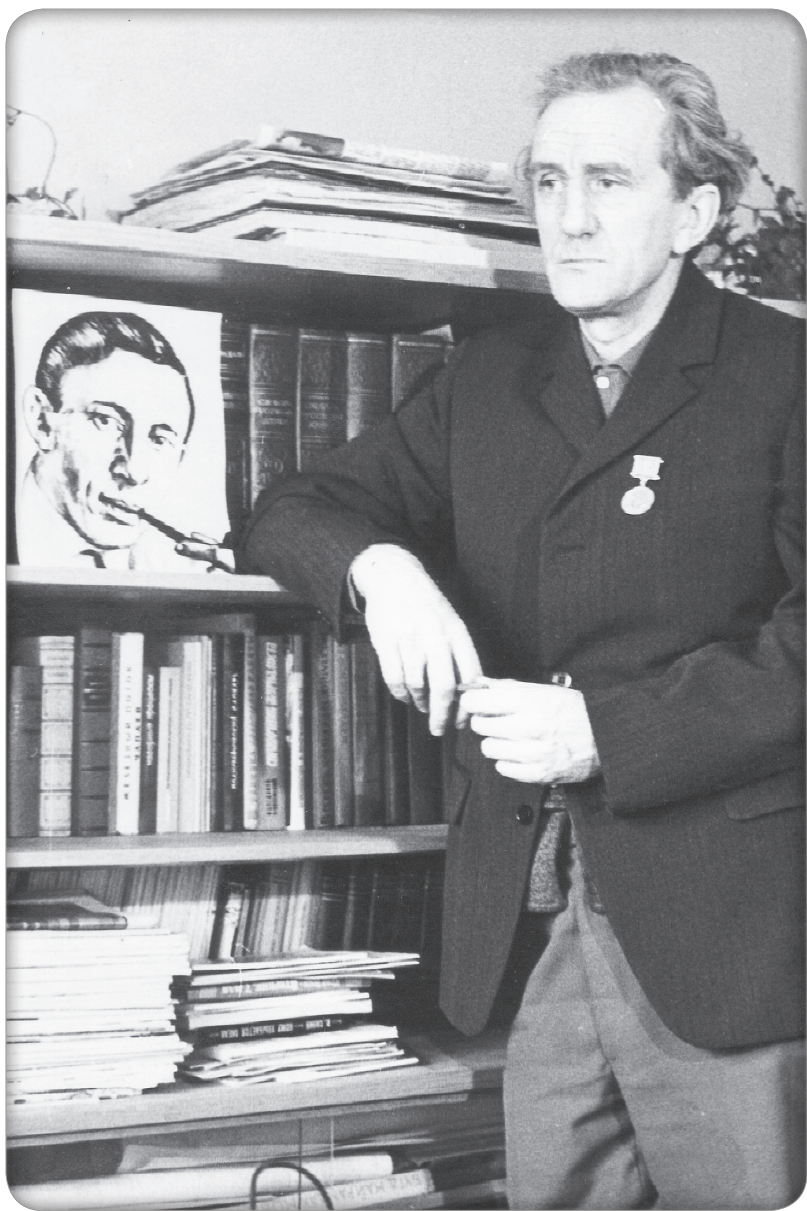
*Дом № 8 по улице Советской в Воскресенске
с мемориальной доской Ахмету Симаеву
(2020 год, фото В. Дубровина)*

*Мемориальная доска Ахмету Симaeву доме № 8
по улице Советской в Воскресенске
установлена 8 мая 1985 года*

*Виктор Иванович Лысенков у стелы с барельефами джалиловцев
в Казани на площади 1-го Мая*

Сергей Михайлович Крuti

Портрет Ахмета Симаева

В столице Татарстана — Казани, на площади 1-го Мая, на самом высоком месте у Спасской башни Казанского кремля, в 1966 году воздвигнут памятник Мусе Джалилю, а в 1994 году установлена стела с барельефами его десяти соратников, среди которых и наш земляк Ахмет Симаев.

Каждый год 25 августа, в день гибели джалиловцев, здесь проводятся митинги, посвящённые гибели поэта и его товарищей по подпольной организации.

По распоряжению Сената Берлина в тюрьме Плётцензее, где во времена Третьего рейха было казнено более 1800 человек, в 1952 году создан мемориал жертвам нацизма в Германии, открыт музей. Перед зданием, где проводились казни, возведена мемориальная стела с надписью «Жертвам гитлеровской диктатуры 1933—1945 гг.».

В Воскресенске мемориальная доска в память Ахмета Садретдиновича Симеева на здании, где когда-то размещалась редакция районной газеты, была установлена 8 мая 1985 года, в канун празднования 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Инициатором этого исторического события стал член Союза журналистов СССР, ответственный секретарь редакции Воскресенской газеты «Коммунист» Сергей Михайлович Кристи (1921—1986), который был первым и самым последовательным исследователем жизни и подвига нашего земляка, многое сделавший для восстановления и увековечения его доброго имени.

Уместным будет посвятить несколько строк этому замечательному публицисту-краеведу.

По крупницам восстанавливал доброе имя героя

Сергей Михайлович Кристи родился 10 июля 1921 года в Ленинграде (Санкт-Петербурге). Его отец, Михаил Петрович, был в то время начальником Ленинградского отделения «Главнауки», а мать, Надежда Самойловна Кристи-Сокольская, руководила Ленинградским Домом учёных. Через семь лет семья переехала в Москву, где Михаил Петрович с 1928 по 1937 год работал директором Государственной Третьяковской галереи.

В Москве Сергей Кристи учился в знаменитой Опытно-показательной школе-коммуне имени Пантелеймона Лепешинского, коллектив которой подбирала лично Надежда Константиновна Крупская, подходя к делу исключительно серьёзно и основательно. Достаточно отметить, что в этих стенах работали лучшие педагоги Москвы того времени. В 1930-е годы тут учились будущий летчик-испытатель Степан Микоян, учёный-физик Сергей Капица, писатель Анатолий Рыбаков и многие другие известные люди. Ученикам здесь прививали жизненно важное желание — добывать знания.

Участь в школе, Сергей занимался в литературной студии Дома учёных и в театральном училище при Центральном театре Красной Армии. Увлекался поэзией. Одну из первых песен «О графе Толстом — мужике непростом» («Жил был великий писатель, Лев Николаич Толстой...») он написал в старшем классе школы.

Песни сочинял вместе с друзьями Алексеем Охрименко и Владимиром Шрейбергом. Эти песни

получили самое широкое распространение в разных вариантах и перепевах, начиная с военных лет. Сами того не подозревая, друзья стали основоположниками целого направления русской поэзии XX века. Этот жанр принято называть «поездными» или «вагонными» балладами, потому что в конце сороковых — середине пятидесятих годов их любили петь инвалиды, собиравшие подаяния на жизнь в пригородных поездах. Песни эти на слуху и сегодня: «Батальонный разведчик» («Я был батальонный разведчик, а он — писаришка штабной...»), «Нарымский рассказ о Шекспире, коварстве, любви и московской квартире», «Отелло», «Гамлет».

По окончании средней школы в 1939 году Сергея Кристи приняли на работу артистом в Центральный театр Красной Армии. Во время Великой Отечественной войны актёр был призван на действительную военную службу и направлен в красноармейский ансамбль, с которым не раз бывал на передовых позициях наших войск, выступая в концертных программах.

В 1943 году получил назначение специальным корреспондентом, затем ответственным секретарём дивизионной газеты «Морской лётчик». Так началась его биография газетчика.

После войны он сначала сотрудничал в газете «Московский комсомолец», а потом был принят в труппу Центрального театра кукол под художественным руководством С.В. Образцова.

В 1949 году Сергею Михайловичу предложили возглавить киносъёмочную группу Центральной студии документальных фильмов, где он работал над созданием таких лент, как «Советская Латвия»,

«Среднее Поволжье». На этом поприще ему помогал советами старший брат, известный режиссёр-кинодокументалист Леонид Михайлович Кристи, получивший, к слову, в 1980 году государственную Ленинскую премию за документальный фильм «Великая Отечественная». По сценариям Сергея Михайловича был сделан ряд передач на Центральном телевидении.

В силу семейных обстоятельств в 1951 году Кристи переезжает в Поволжье — в посёлок Чердаклы Ульяновской области, где работает в районной газете «Колхозная стройка» (сейчас — «Приволжская правда»), а в 1954 году — в село Виноградово (в то время Виноградовского района Подмосковья), где назначается ответственным секретарём районной газеты «Сталинский путь» (с 1956 года — «Новая жизнь»).

После объединения в 1958 году Воскресенского и Виноградовского районов он становится литсотрудником, а впоследствии ответственным секретарём Воскресенской районной газеты «Коммунист».

Последнее время Сергей Михайлович жил со своей супругой Анной Маркеловной Зайцевой в посёлке Белоозёрский, а сын Михаил с семьёй — в Краснодарском крае.

Умер Сергей Михайлович Кристи 19 января 1986 года.

Меня всегда поражала энциклопедичность этого с виду немного вальяжного, всегда ироничного интеллигента с пышным ореолом седых волос. Краеведческие заметки он зачастую подписывал театрально-литературными псевдонимами: «П. Лучино», «С. Агатов». Мы и подружились с ним в 1978 году на почве общего интереса к истории Воскресенского края.

Восстановление доброго имени коллеги-журналиста давалось Сергею Михайловичу нелегко: большинство архивов тогда было напрочь закрыто, огорчало и то, что кропотливый труд не всегда находил понимание у маловеров. Он вёл обширную переписку с людьми, обладавшими хотя бы крупицами сведений, был в постоянном поиске, не считаясь с личным временем. И сейчас ссылки на материалы С.М. Кристи мы найдём в трудах всех серьёзных исследователей судеб «джалиловцев». Ещё в 1970 году за публикации, посвящённые Ахмету Симаеву и другим соратникам Мусы Джалиля, Сергей Михайлович Кристи был удостоен премии Союза журналистов СССР.

И, тем не менее, настоящее официальное признание подвига мужественных подпольщиков-антифашистов пришло лишь два десятилетия спустя.

*Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменник он! Родину предал», —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.*

Муса Джалиль, 20 ноября 1943 года.

Оглавление

<i>Ольга Новикова «Человек и бессмертие»</i>	3
Встреча с Мусой Джалилем	5
Воскресенский газетчик	8
Молодая семья и разлука	14
Армейская служба.	29
Десант в тыл врага	34
Плен, лагерь, легион	36
Подпольная работа	51
Приговорённые к смерти	56
Шли на смерть мужественно	59
«Прошу сообщить родным...»	62
Реабилитация и признание	63
По крупицам восстанавливал доброе имя героя	74

*Автор благодарит за помощь
при подготовке книги к изданию
Людмилу Николаевну Булычёву,
Андрея Викторовича Лысенкова,
Любовь Николаевну Лысенкову,
Елену Борисовну Юрову,
Марину Владимировну Васильеву,
Ольгу Александровну Новикову,
Леонида Анфиногеновича Дудина,
Владимира Николаевича Дубровина,
Дениса Викторовича Минаева.*

Виктор Иванович Лысенков

**Ахмет Симаев —
журналист, подпольщик,
соратник Мусы Джалиля**

Редактор: А.В. Лысенков
Корректор: Л.Н. Булычёва
Вёрстка: Е.В. Анисимова

ООО «Издательство Серебро Слов»
Телефон: 8 (916) 964-84-64
E-mail: dogovor.serebro@gmail.com
Сайт: www.tvoyakniga.ru
Интернет-магазин:
www.tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/

Подписано в печать 06.08.2020
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная
Гарнитура Newton. Печать цифровая
Тираж 300 экз. Заказ № 3334

Отпечатано в типографии «Book Jet»
390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18
Сайт: <http://bookjet.ru>
Почта: info@bookjet.ru
Тел.: +7 (4912) 466-151

ISBN 978-5-907316-46-1

9 785907 316461 >